

Нескольким невезучим, опоздавшим на пару минут, инструктор велел поклониться всему строю, прежде чем разрешил встать на место.

Е Цин думал, что после спуска, построения и переключки можно будет идти завтракать. Не кормить же людей перед тренировкой — это же бесчеловечно.

Но университет Н никогда не разочаровывал новичков. Военные сборы здесь — это не тренировка, а свежевание.

После построения инструктор повёл их на южное поле, где велел простоять десять минут по стойке «смирно», а затем пробежать три круга по стадиону. Только после этого отпустили завтракать.

После этих трёх кругов Е Цин чувствовал себя разобраннным на части. Идя в столовую, он оперся на плечо Ху Юя:

— Юй, я пересдавать буду. Разве университетские сборы не для галочки? Это же слишком жёстко!

Ху Юй ответил:

— Брось, всего две недели. Но чтобы пересдать, надо оформлять документы, а пока будешь оформлять — всё равно придётся ходить на сборы. Оформишь — они уже наполовину пройдут. Вернёшься готовиться — и в другом вузе снова через это прёшь.

— Боже, какой же ты бессердечный. Не мог бы ты просто мягко уговорить меня остаться? — сказал Е Цин.

— Цин, уговаривать тебя — это дело твоей старшей сестры, Старой Белой. Ладно, ладно, пошли завтракать, — похлопал его по плечу Ху Юй.

Позавтракав, Е Цин развалился на стуле. — Эй, у кого крем от загара есть? Я с утра впопыхах забыл.

Сюй Чэн ответил:

— Нету. Мы же не девчонки, зачем он нам?

Ху Юй достал из нагрудного кармана маленький тюбик. — У меня есть, бери, намажься.

Е Цин взял крем и сказал Сюй Чэну:

— Сяо Пан, слушай сюда. Неважно, откуда ты родом, после сборов все будут как из Африки. И что будешь делать потом?

Сюй Чэн покачал головой. Е Цин продолжил:

— Пару искать! Потом же все начнут охотиться. Если ты будешь чёрный, как корень, захочет ли с тобой белокожая чистюля-девчонка общаться?

Сюй Чэн удивился:

— А разве внутренний мир не важнее внешности?

Е Цин махнул рукой:

— Внутренний мир и ценности решают, как долго вы протянете. А внешность решает, начнёте ли вы вообще. Понял?

Сюй Чэн кивнул:

— Логично. Давай быстрее, потом я тоже намажусь.

Ху Юй сказал:

— Молодец, Сяо Пан, учится.

— Честно говоря, — вставил Гу Чанъань, — вы трое прямо как три сестрицы.

Ху Юй ответил:

— Не, надо держаться вместе, — и, повернувшись к Е Цину и Сюй Чэну, добавил:

— Вы там намажьтесь и ему тоже дайте!

Гу Чанъань замахал руками:

— Не надо, мне не нужно.

Е Цин сказал:

— Зная Линь Го, он точно намажется. После сборов он будет белый, как тофу, а ты — чёрный, как уголь. Он точно откажется с тобой рядом ходить.

— Не гони, у меня от природы здоровый загар, я не горю! — упрямо заявил Гу Чанъань.

— Ну, попробуй. Я-то своё место знаю — я идол, должен всегда за имиджем следить, — Е Цин закрутил крышечку и передал тюбик Сюй Чэну.

Сюй Чэн начал кое-как мазаться. Е Цин сказал:

— Сяо Пан, так не пойдёт. Бери больше и равномерно распределяй.

Он показал на своём лице. Сюй Чэн кивнул и начал мазаться правильно.

— Эй, полегче, у меня всего один тюбик! — с беспокойством сказал Ху Юй.

Е Цин ответил:

— Кончится — моим воспользуешься. Я два прихватил.

— Два прихватил? Вы двое, — Гу Чанъань ткнул пальцем в Ху Юя и Е Цина, — прям сёстры родные.

Когда Сюй Чэн закончил, они отнесли подносы к окну раздачи и неспешно побрели обратно на поле, ожидая начала занятий.

Первые дни сборов дали студентам время адаптироваться. Согласно расписанию, эти дни были посвящены строевой подготовке: шаг на месте, строевой шаг, бег, стойка «смирно».

Утром, помимо стойки, отрабатывали строевой шаг. Утомительно было не столько от нагрузки, сколько от палящего солнца. За всё утро был всего один перерыв — все изнывали от жажды и обезвоживания.

Наконец в полдень отпустили. Гу Чанъань тут же расстегнул все пуговицы и молнию на форме.

После обеда был полуторачасовой отдых. Сюй Чэн и Е Цин, вернувшись в комнату, скинули верх и завалились на кровати. Гу Чанъаню и Ху Юю было лень забираться наверх, и они остались внизу.

Окна и дверь были открыты, и сквозняк сделал в комнате заметно прохладнее. В дверь постучали, и вошёл Линь Го. — Эй, у вас тут прохладно.

Е Цин, услышав голос, отозвался:

— О, фрукт наш пожаловал.

Линь Го кивнул Е Цину, уселся на стол Гу Чанъаня и сунул тому что-то в руку. — Держи.

Гу Чанъань поднял на него глаза. — Что это?

— Крем от загара. Я знал, что у тебя нет. Не забудь мазаться. Мало намажешь — не поможет. Если потом станешь чёрный, как уголь, со мной рядом не ходи, — усмехнулся Линь Го.

Ху Юй, подслушав, рассмеялся:

— А мы что говорили? А ты не верил.

Линь Го спросил:

— Что говорили?

Сюй Чэн ответил:

— Мы утром мазались, а он сказал — не буду. Они и сказали, что ты потом белый, как тофу, а он — как уголь, и ты от него шарахаться будешь.

Линь Го рассмеялся, глядя на Гу Чанъаня. — Верно. Так что не ленись.

— Угу, понял. Иди-ка отдохни немного, — сказал Гу Чанъань, разглядывая тюбик в руках.

— Что, уже прогоняешь? — сказал Линь Го.

Ху Юй встрял:

— Он не прогоняет, он искренне боится, что ты устанешь.

Гу Чанъань буркнул:

— Пошёл вон, везде ты со своим словом.

Линь Го спрыгнул со стола. — Ну, я пошёл.

Гу Чанъань поднялся проводить его. — Ага.

Выйдя за дверь, Линь Го сказал:

— Я сам поднимусь, ты иди отдыхай.

— Угу, — кивнул Гу Чанъань.

Линь Го замер на месте, обернулся и, ухмыляясь, потянулся к уху Гу Чанъаня. — Ты что, смущаешься? Уши-то красные.

— Это от жары, — Гу Чанъань отвёл его руку.

Линь Го хихикнул. — Странные у тебя точки смущения.

Линь Го скрылся в лестничной клетке. Гу Чанъань повернулся, потрогал собственное ухо и подумал: «Какое там, к чёрту, смущение».

Прошло несколько дней тренировок, и студенты понемногу втянулись. Инструкторы тоже уже не хмурились с утра до вечера.

Все, кроме командира второй роты — он же был инструктором первого взвода второй роты.

Каким же бедолагам не повезло попасть к нему? Увы, по крайней мере, вся комната Линь Го была в его власти.

Сборы в университете Н шли шесть дней в неделю, с выходным в воскресенье. Правда, за пределы кампуса выходить запрещалось. Но ворота не были снабжены глазами, чтобы проверять у каждого студенческий билет, так что, если успевал вернуться к семи тридцати вечера на вечернюю переключку, никто не придирался.

В начале второй недели, после утренней пробежки и завтрака, всех первокурсников погнали на северное поле слушать речь главного инструктора. Та самая речь: «На прошлой неделе все показали себя молодцами, так держать».

После речи большинство инструкторов, ведя свои взводы обратно на южное поле, перекидывались со студентами парой слов: где вчера отдыхали, что сегодня будем отрабатывать, если постараетесь — больше отдохнём.

Командир второй роты, вытянув шею, точь-в-точь как сердитый жираф, рявкнул сквозь зубы:

— Ровнее идти! Кто это отстаёт? Шаг сбиваешь? Шагать не умеешь — в университете чего делаешь!

Командир первой роты впереди услышал, подбежал и тихо сказал:

— Хватит, хватит. Нынешние студенты обидчивые, не выдерживают такого.

Командир второй роты вытаращил глаза:

— Обидчивые, а стараться не хотят! Только коллектив тянут вниз! Даже если это университетские сборы — это военная подготовка! Никаких поблажек!

Командир первой роты покачал головой и трусцой вернулся к своему взводу.

В тот день остальные взводы отдыхали по несколько раз, как только отрабатывали положенное.

Даже второй и третий взводы второй роты, которые командир второй роты прихватывал попутно, за день отдохнули раз четыре-пять.

Лишь первый взвод второй роты отдохнул всего дважды. Более того, командир выдёргивал тех, у кого движения были нечёткими, и заставлял их отрабатывать перед всем строем, пока остальные стояли по стойке «смирно» и наблюдали.

После ужина Гу Чанъань, прихватив арбуз, купленный в столовой, поднялся к Линь Го. Дверь была приоткрыта. Он неслышно вошёл. Внизу никого не было — все четверо лежали на кроватях, казалось, спали.

<http://bllate.org/book/16270/1464138>